

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА КАК ФОРМА АДАПТАЦИИ К БУДУЩЕМУ

Н.А. Лукьянова^{1,2}, М.В. Гончаренко¹, Н.С. Зинченко¹

¹ Национальный исследовательский Томский политехнический университет, г. Томск, Российская Федерация

² Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Статья посвящена проблеме преодоления «шока будущего». Обосновывается тезис о необходимости адаптации к будущему посредством символических форм. Гипотезой предлагаемого исследования является утверждение о том, что адаптация к будущему всегда требует новых форм выражения и одной из таких форм является научная фантастика. Методология предлагаемого исследования базируется на метафизике А. Уайтхеда и его интерпретации «будущего» как неопределенной, неизбежной категории, определяющей действия человека в настоящем. В статье изучается феномен научной фантастики как связующего звена между «знанием» и «незнанием» существующий как дихотомия реального/нереального в категории «фантастическое». Доказано, что в научной фантастике базовым элементом становится процесс мифологизации и символизации продуктов научно-технического творчества, как процесс столкновения двух путей: первый путь ведет в будущее – в «еще-не-сейчас», а другой – в прошлое – в «уже-не-сейчас». Установлено, что в этой двойственности заключается природа компенсаторной функции научной фантастики при адаптации к будущему посредством «переворота в символизме», основанного на способности человека познавать мир с помощью символических форм. Авторы полагают, что возможность «переворота в символизме» базируется на принципе «приостановки неверия». В результате мы пренебрегаем знаниями о реальном мире и сосредотачиваемся на единстве и целостности символа. В этой целостной неразличимости смысла и формы, символ становится эффективным инструментом приобщения к реальности. Авторами сделан вывод: научная фантастика на символическом уровне способна стать формой адаптации к миру будущего.

Ключевые слова: научная фантастика, шок будущего, адаптация, символ, реальность

Ссылка при цитировании: Лукьянова Н.А., Гончаренко М.В., Зинченко Н.С. Научная фантастика как форма адаптации к будущему // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 3. С. 113-123. DOI: 10.18721/JHSS.10310

ASCIENTIFIC FANTASY AS A FORM OF ADAPTATION TO THE FUTURE

N.A. Lukianova^{1,2}, M.V. Goncharenko¹, N.S. Zinchenko¹

¹ National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

² Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

The article touches upon the issue of overcoming the “shock of the future”. The idea about the need to adapt to the future through symbolic forms is substantiated. The hypothesis of the proposed research is the statement that the adaptation to the future always requires new forms of expression and one of these forms is science fiction. The methodology of the proposed research is based on the metaphysics of A. Whitehead. The article studies the phenomenon of science fiction as a link between “knowledge” and “not knowledge” existing as the dichotomy of the real / unreal in the category of “fantastic”. It is proved that in science fiction, the basic element is the process of mythologizing and symbolization the products of scientific and technical creativity, as a process of the collision of two ways: the first path leads to the future - in “not-now yet”, and the other - in the past - in “not now already”. The author established that this duality consists in the nature of the compensatory function of science fiction during the adaptation to the future by means of a “revolution in symbolism”. “Change in symbolism” is based on the principle

of “pause in disbelief”. As a result, the knowledge about the real world is neglected and people focus on the unity and integrity of a symbol. The following conclusion is made: science fiction at a symbolic level can become a form of adaptation to the world of the future.

Keywords: science fiction, shock of the future, adaptation, symbol, reality

Citation: N.A. Lukianova, M.V. Goncharenko, N.S. Zinchenko, Scientific fantasy as a form of adaptation to the future, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (3) (2019) 113-123. DOI: 10.18721/JHSS.10310

Введение

Понимание будущего не только как категории времени, но и как части социокультурной реальности (социокультурных изменений) до конца не сформировано: отсутствует рефлексия относительно будущего как части социокультурных изменений в научной среде. Высокие темпы научно-технического прогресса, развития инновационной сферы приводит к проявлению лакуны концепции будущего в научном мировоззрении.

В условиях глобализации и социокультурных изменений, мировая элита создает проекты, прогнозы глобального масштаба, направленные на решение проблем человечества. Неоднократно доказана ошибочность подобных прогнозов, поскольку современное общество, рассматриваемое как саморазвивающаяся система, невозможно прогнозировать. Для успешного управления, контроля и развития прогнозирования недостаточно. Необходимо другое понимание проблемы будущего, именно поэтому наибольшую актуальность приобретает проблема адаптации к будущему. Адаптация к будущему представляет собой сложный многоуровневый процесс, включающий установки и ожидания, часто визуализированные в символах настоящего. По словам Э. Тоффлера: «Шок будущего – это реакция на сверхвозбуждение. Она возникает, когда индивид вынужден управлять своим пределом адаптации» [1].

Цели исследования

Для исследования проблемы адаптации к будущему необходимо решить вопрос по определению триггерных точек «переворота в символизме» (А.Н. Уайтхед) [2] как условий успешной адаптации старых символов к изменениям социальной структуры. Авторы предполагают, что успешное существование такого литературного жанра как научная фантастика объясняется, в том числе и тем, что обращение к нему является одним из способов адаптации к будущему. В рамках данного жанра описываются вымышленные технологии, различные вариации хода человеческой истории, контакты с внеземными формами жизни, путешествия в прошлое и будущее и т.д. Мы прекрасно пони-

маем, что фантастика, как жанр – повествование о чем-либо нереальном, несовпадающем с реальностью. Тем не менее, желание людей жить в этом фантастическом/ нереальном мире – это реальность (например, фанаты «Звездных войн»), которую нельзя игнорировать.

Гипотезой предлагаемого исследования является утверждение о том, что адаптация к будущему всегда требует новых символических форм выражения и одной из таких форм является научная фантастика как дихотомия реального/нереального в рамках «философии возможного» (М. Эпштейн¹). Такое исследование особенно актуально сегодня, когда мир насыщен утопиями, планами, проектами, стратегиями.

Исследовательская задача статьи ориентирует нас на то, что современные исследования будущего уже не сведены только лишь к прогностическим дисциплинам. В начале 20 века, став самостоятельной проблемой, вопросы исследования будущего раскрываются в ряде философских направлений: трансгуманизм (Н. Бостром, Ф.М. Эсфендиари, А.А. Болонкин), альтернативистика, (Г. Гендерсон, М. Фергюсон, И.М. Савельева), глобалистика (А.Н. Чумаков, В.А. Дергачев). Философские размышления о будущем, роли человека в нем находят свои отражения в работах А. Уайтхеда, Э. Блоха, А. Бергсона, И. Пригожина. Особенностью данных работ можно назвать изучение не только будущего как элемента времени, но и затрагивание в той или иной степени других элементов феномена «человек-в-будущем». Например, в работах Э. Блоха, исследуется не только процесс создания будущего, но и статус будущего (построение мечты, утопии). В рассуждениях А. Уайтхеда, И. Пригожина вместе с процессом создания будущего, анализируется роль человека в этом процессе (роль конструктора, создателя). С начала XX века будущее становится объектом внимания ряда сфер человеческой деятельности: искусства, литературы, архитектуры и науки. Именно попытка научного осмысления будущего в контексте не-

¹ Эпштейн М.Н. Философия возможного. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 262 с.

определенности будущего содержит в себе уникальные возможности для человека. Неопределенность будущего позволяет человеку не только прогнозировать, предвидеть будущее, но и конструировать, создавать его [3]. Авторы проекта также считают нужным упомянуть работы публикации Й. Сиберса «Community and Future in the Thought of Ernst Bloch' in F. Vidal», базовые для постановки задачи в рамках проблемы – будущее и общество [4].

В связи с этим отдельно выделяются такие направления как научная фантастика, предвосхищающая технологические прорывы, футурология, расставляющая приоритеты развития и описывающая образы идеального общества, прогнозирование и планирование (Н.Д. Кондратьев, Ф. Тэйлор, Д. Стабил), просчитывающие возможные варианты будущего.

Ф. Полак определил понятие «образ будущего» как позитивную модель ожидаемого будущего. Понятие «образ будущего» можно применить к творчеству конкретного автора, если он не просто указывает на возможные тенденции, но моделирует более или менее целостную перспективу будущего, как это делает Д. Белл в «Грядущем постиндустриальном обществе» (2004)² или Ф. Фукуяма в «Нашем постчеловеческом будущем» (2004)³.

Сегодня более интересным представляется использование понятия будущего в рамках «философии возможного», где проблема исследования воображения, фантазии, фантастического, чудесного рассматривается в контексте научных исследований. Это исследования Ц. Тодорова «Введение в фантастическую литературу» (1970)⁴, Р. Кайуа «В сердцевине фантастического» (1965)⁵, С. Лема «Сумма технологий» (1964)⁶ и др.

Будущее, основанное на идеях научно-технических достижений, способных преодолеть ряд глобальных проблем человечества, отра-

жено в работах трансгуманистов Р. Уильямса, Дж. Хаксли, И. Вишева, В. Прайда (проблемы бессмертия, идея сверхчеловека, саморазвивающийся искусственный интеллект), а также в научной фантастике в работах Ж. Верна, Г. Уэллса, К.Э. Циолковского, Г. Гуревича, А. Казанцева, В.И. Вернадского (проблемы освоения космоса).

Целью настоящей статьи является обоснование того, что научная фантастика, которая рассматривается нами как связующее звено между знанием и незнанием, есть одна из символических форм адаптации к будущему, что особенно значимо для молодого поколения. Значимость процессов символической адаптации обусловлена особой ролью символа как интеллектуального инструмента культуры в процессах существования человека.

Методология исследования

Метафизика А. Уайтхеда, сконцентрированная на обосновании процессуальной природы мира (сущность вещей заложена в процессах их становления), интерпретирует категорию «будущее» как неопределенную, неизбежную, определяющую действия человека в настоящем. Философские идеи А. Уайтхеда примечательны тем, что в контексте метафизического подхода за основу берется активно действующий субъект. В его работах предложен методологический подход к исследованию формирования категории «будущее», раскрывающий природу становления этой категории через процесс перехода от воспроизводства к предвосхищению. Метафизика А. Уайтхеда становится объектом философского анализа в работах М.А. Кисселя, С.Г. Сычевой.

Как неоднократно указывалось в исследованиях Н.А. Лукьяновой, проблематика символизации будущего требует привлечения работ, связанных с пониманием роли символов как интеллектуальных конструкций в связи со всей системой человеческого мышления и деятельности в рамках концепции символизма А. Уайтхеда и С. Лангер[5].

Необходимо также отметить, что идеи постнеоклассической науки о постоянном становлении и самоорганизации сложных «человеко-размерных» систем раскрыли понимание процессуальной природы категории «будущее», представленной через практики конструирования. Мы обратились к конструктивистскому принципу, предполагающему, что значение не задано и не существует до репрезентации, но конструируется в процессе представления. Гомогенность образов будущего, создаваемых

² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с.

³ Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма. М.: Издательство АСТ, ЛЮКС, 2004. 349 с.

⁴ Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.

⁵ Кайуа Р. В глубь фантастического. Отраженные камни / авт.-сост. Роже Кайуа; пер. с фр. Н. Кисловой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. 280 с.

⁶ Лем С. Сумма технологий / С. Лем; пер. с пол. А.Г. Громовой и др.; ред.: Б.В. Бирюкова, Ф.В. Широкова. М.: Мир, 1968.

человеком, обусловлена сходством возможностей человеческого взаимодействия с объектами окружающего мира и единой реальностью, с которой люди способны вступать во взаимодействие (Е.О. Труфанова) [6].

Результаты исследования

Авторы предлагают следующую последовательность в решении поставленной задачи: необходимо раскрыть потенциал научной фантастики как пространства открытого будущего. В таком будущем мир не существует в навсегда «застывшем» состоянии, в нем заложена способность к постоянным изменениям. Такой мир будущего всегда доступнее для бесконечных интерпретаций. Следующий тезис нашей статьи посвящен проблеме соотношения реального и нереального в научной фантастике. Исследование данного вопроса является важным при исследовании проблемы адаптации человека к будущему в силу того, что в любом образе будущего удивительным образом «уживается» мифология прошлого и реальность настоящего, как, например, в образе сверхчеловека, обладающего экстраординарными способностями. Заключительный тезис данной статьи состоит в том, что в основе мифологии прошлого «пропущенное» в реальности настоящего интерпретации будущего в научной фантастике базируются на принципах работы символизма (А. Уайтхед, С. Лангер). Такими в философия времени А. Уайтхеа ключевыми являются идеи становления, неопределенности будущего, множественности реальностей и тесной взаимосвязи будущего и настоящего.

Научная фантастика и открытость будущего.

В данном разделе авторы обосновывают тезис о том, что научная фантастика, представляет собой своеобразный «слепок» образа будущего открытого для возможных интерпретаций. В книгах и фильмах предвосхищаются научные достижения человека. Описывается процесс самоопределения человеком себя как деятеля, создателя собственного мира, что сопровождается появлением ряда мировоззренческих направлений в научной и художественной литературе. Появление работ Ж. Верна, Г. Уэллса и других авторов, прославлявших научно-технический прогресс, отразило уверенные позиции науки и техники в обществе и сформировало отдельное литературное направление — научную фантастику. В них предвосхищается научное знание, оно служит человеку как инструмент в покорении природы и собственных недостатков. Х. Гернсбек так определяет науч-

ную фантастику: «...литература предвидения в сфере прогресса материального» [цит. по 7]. Научная фантастика основывается на событиях настоящего, логически выстраивая картину будущего: «Научная фантастика — это литература образного выражения научных, социальных, эстетических гипотез и гипотетической ситуации о прошлом, настоящем и будущем (по вопросам, разносторонне касающимся человека и общества), логически проецированных из явлений современности или современного мировосприятия и потому вероятностных или допустимых в рамках художественного эксперимента» [7]. Следовательно, научная фантастика, представляя собой образ будущего, пропагандирует и предвосхищает научные достижения человека. По сути это и есть предвосхищение будущего.

Одновременно фантастика (впрочем, как и футурология) отражают открытость будущего для человека: технологический прогресс, социальные и экономические прорывы — это доказательство человеческих возможностей, потенциал которых еще неизвестен. Художественные работы в области фантастики (Г. Уэллс, Ж. Верн, Р. Хайнлайн, А. Азимов, А. Кларк и др.) и футурологии (Э. Тоффлер, З. Бжезинский, Г. Кан, Р. Арон.), искусства (кубизм и футуризм) раскрывают мировоззренческие идеалы образа будущего, в основе которых лежит позитивное/негативное ощущение будущего. Это и есть сущность символизма, предлагающая множественность интерпретаций. Авторы утверждают, что символическая основа человеческого бытия определяет нереализованный потенциал человека, в котором практики конструирования образа будущего обусловлены осознанием того, что будущее открыто и не определено. Следовательно, для человека важно понимать «правила игры» при конструировании своего будущего. А именно, посредством символических форм (к которым авторы относят научную фантастику) он может постигать мир и упорядочивать окружающий его хаос.

Реальность/нереальность прошлого и настоящего в научной фантастике.

В конце XIX — начале XX века в обществе становится популярной идея сверхчеловека — человека, победившего в борьбе за власть над несовершенным физическим миром; человека-творца мировой истории. Идея сверхчеловека в философии Ф. Ницше кочует в другие сферы социокультурной жизни общества: литературу (роман Ф. Достоевского «Преступление и наказание»), политику (идеи Ф. Ницше были особенно востребованы Третим рейхом

и, по мнению Гитлера, стали центром национал-социалистической идеологии), и, конечно же, науку, считавшей роль человека главенствующей в природе. Идея сверхчеловека стала частью доктрины прогресса — запущенного маховика чистой веры в будущее. Сюжеты из научной фантастики часто фокусируются на этических вопросах, возникающих при использовании новых технологий. Например, работа сценариста Эндрю Никкола (*Gattaca*). В ней показано, как научная фантастика порождает дебаты об этическом в современном сообществе [8]. И это не единичный случай, когда изображение картин далекого будущего и внеземных цивилизаций порождает моральные коллизии. Например, во всемирно известном романе С. Лема «Солярис»⁷ происходит встреча землян с мыслящим Океаном, который реагирует на присутствие и манипуляции землян проникновением в глубинные тайники сознания. Ученые, работающие на станции, в том числе и главный герой Крис Кельвин, получили в подарок от мыслящей планеты Солярис фантомы — продукты своего сознания. Ушедшая из земного бытия и вновь возникающая, возлюбленная Криса Кельвина Хари стоит перед страшной проблемой осознания себя: кто же она на самом деле — продукт деятельности Океана, который создал двойника, или человеческая сущность. Бытие Хари оканчивается трагично во всех ее появлениях — она добровольно соглашается на аннигиляцию. Наверное, не только фантастическая возможность внеземного контакта, но и высокое напряжение моральных проблем так привлекают к роману С. Лема многочисленных читателей на протяжении десятилетий.

На наш взгляд сложность в адаптации к будущему заключается, в том числе, в бесконечной множественности выбора. В своей работе «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» Ф. Ницше описывает образ Ворот и двух дорог [9], и на этом примере рассуждает о времени, вечности, будущем и человеке: «В воротах встречаются две длинные дороги: одна ведет за ворота, другая — назад. «Столкнувшись лбами», дороги расходятся в противоположных направлениях: каждая бесконечна и каждая ведет в вечность. Над воротами написано: «Мгновение». Ворота «Мгновение» вместе со своими расходящимися бесконечными дорогами — образ времени, уходящего в вечность. Само же время можно видеть из «мгновения», из «сейчас», откуда один путь ведет в будущее — в «еще-не-сейчас», а другой — в прошлое — в

«уже-не-сейчас» [10]. На вопрос Заратустры о том, встречаются ли где-либо эти две дороги, карлик, сидящий в стороне, отвечает о круговороте вещей в мире, в том числе о времени. Время движется по кругу, все возвращается, будущее становится прошлым, а прошлое настоящим. Этот образ становится как никогда актуальным в исследовании парадигмы непознанного в контексте философии возможного. С нашей точки зрения, в научной фантастике происходит процесс мифологизации продуктов научно-технического творчества, как процесса столкновения двух путей: первый путь ведет в будущее — в «еще-не-сейчас», а другой — в прошлое — в «уже-не-сейчас». Именно в этой двойственности заключается природа компенсаторной функции научной фантастики при адаптации к будущему. Образно говоря, возвращение к прошлому, ретроспекция привлекает наше внимание к ранее упущенным возможностям [11]. Переживая миф в себе, человек осознает его как живое начало бытия, которое прошло. Прошлого уже нет, но миф определяет его вневременность, поскольку в нем события, имевшие место в определенный момент времени, существуют и вне времени. «Миф объясняет в равной мере, как прошлое, так и настоящее, и будущее» [12, с.428]. Человек отождествляет многие предрассудки с традицией, с реально протекающей историей человечества. Мифологическая традиция, таким образом, вневременна, ибо возводит прошлое в ранг вневременной формы. Но эта традиция не просто воспроизводится, она постоянно модифицируется. Как отмечал В.С. Степин: «Системы фундаментальных ценностей и мировоззренческих ориентиров, составляющих основания культуры, могут модифицироваться и варьироваться в различных видах общества, в различных национальных культурах, сохраняя, тем не менее, ряд общих признаков в качестве глубинного инварианта, характерного для соответствующего типа цивилизационного развития» [13, с.14].

С другой стороны, в научной фантастике ключевым является вопрос: «А что, если?». Данный вопрос и является причиной формирования будущего / «еще-не-сейчас». Но это будущее построено на тех же принципах, что и миф. Целью создания будущего остается получение истинных, объективных знаний об окружающей действительности, основанных не на рациональных доказательствах, а на предчувствии и интуиции (может быть веровании). Эта интуиция формирует в уме каждого индивидуума собственное представление о действитель-

⁷Лем, С. Солярис. М.: Асрель, Харвест, 2011. 256 с.

ности, его окружающей. Как и миф, произведения научной фантастики опираются не на логику и рациональность, а скорее на эмоционально-чувственный характер. В современной отечественной фантастике можно встретить произведения, использующие традиционную народную мифологию. В качестве примера можно рассмотреть цикл «Дозоров» С. Лукьяненко. Центральные события романов происходят в современной Москве, которую вместе с обычными людьми населяет мир Иных. Среди Иных хорошо нам знакомые по народной демонологии вампиры, волшебники, ведьмы и ведьмаки. Мир «Дозоров» С. Лукьяненко поражает тем, что в нем сталкивается привычная обыденность и древняя мифология, традиционные для славянского фольклора персонажи вплетены в напряженное бытие современного мира⁸.

Человеческое воображение – уникальный феномен. При изучении объективной реальности, субъект сталкивается с главной проблемой – отсутствием исчерпывающей информации. Разум человека «не смущает» факт отсутствия истинной информации, ведь она с легкостью может быть заменена ложной – главное, чтобы пробел был заполнен. В таком же ключе создавались древние мифы: мир понимался по аналогии с уже известным, понятным, постигнутым. Так, основной причиной появления мифов о науке, становится стремление человека сделать вывод на основе общей информации, не дожидаясь получения деталей о предмете исследования, то есть найти путь в будущее – в «еще-не-сейчас». Можно согласиться с мнением С. Ортоли и Н. Витковски о том, что: «Наиболее распространенное мнение заключается в том, что миф возникает в известной степени с досады: досады от непонимания чего-либо, от ощущения собственной исключительности, из обмена идеями, от невозможности насладиться – в силу отсутствия необходимого математического арсенала – красотой великих теорий» [14, с. 6].

Ключевой вывод данного раздела состоит в том, что реальность/нереальность прошлого и настоящего в эпоху стремительного развития технологий, находит свое отражение в новой мифологии – научной фантастике, компенсаторная функция которой является основой конструирования реальности, т.к. она рождается в результате нехватки чего-то, и воспринимается как потребность в том, чего нет у чело-

века. И, как следствие, происходит «удвоение» мира: над действительностью надстраивается мир мечты и возникает ситуация усвоения нового знания через привычные символы.

Символизм научной фантастики: преодоление «шока будущего».

В эпоху постмодерна пазл, мозаика, фрагменты текста характеризуют нашу реальность и становятся ее символами. В этой ситуации человек вынужден искать новые символы, чтобы приспособиться к новой реальности. Ускорение всех процессов в современном мире вынуждают человека беспрестанно пересматривать свои понятия, искать новые символы для формирования образа новой реальности. Как отмечает Э.Тоффлер: «В прошлом человек овладевал языком своего общества и пользовался им на протяжении всей жизни... Сегодня эти отношения непрерывно меняются» [1, с.196]. Дезориентация в культуре и «футурошок» находят свое разрешение в активизации нового символизма в связи с тем, что для полноценного существования человеку необходимо иметь представление о границах действительности. Скрытая часть действительности отражается в мифологии, которая выполняла всегда и выполняет сегодня, в том числе, компенсаторные функции, то есть способствует достижению психологического комфорта в силу того, что мифологическое мышление (иррациональное), наряду с логическим, рациональным мышлением, является важнейшим фактором восприятия нашего повседневного опыта, это – способ познания человеком мира.

В основе построения новых мифов лежат принципы мифологического мышления, они связаны со способностью человека познавать мир с помощью символических форм. В данной статье мы можем говорить о том, что мифологическому миру присуще такое понимание, в котором присутствует совокупность отдельных объектов, предполагающих его «локусный» характер. Перемещение из одного локуса в другой может проистекать, по словам Ю.М. Лотмана, вне времени, которое может произвольно сжиматься и растягиваться. Новые мифы предполагают обратимость времени и абсолютную последовательность событий. В этом смысле миф играет компенсирующую роль: он дает опору в понимании мира и действия в этом мире как попытку восстановить потерянное единство мысли-слова-дела [5, с.143].

Традиционный миф был попыткой ответа на вопрос о механизмах непонятого природного или социального явления. Сегодня миф становится средством поиска своей линии по-

⁸ Кузнецов И.С., Лукьяненко, С.В. Дозоры. М.: Neoclassic, АСТ, 2014. 352 с.

ведения в условиях, когда механизмы социальной действительности в принципе известны, но за плотной сетью коммуникаций или в силу других факторов скрыты от человека. Это стратегия, направленная на оккупацию значений слов и всевозможные смысловые манипуляции.

По сути, создание мифов о научной картине мира есть не что иное как поиск новых способов адаптации к стремительно изменяющейся реальности. На этот счёт достаточно ёмкое описание даёт В.Н. Комаров, который отмечает, что причиной активного мифотворчества сегодня становятся кардинальные изменения научной картины мира второй половины XX века [15].

Необходимо отметить, что будущее научной фантастики репрезентируется через допущения о развитии технологий, способных изменить общественный быт. Это работы Г. Гуревича⁹, Г. Мартынова¹⁰, А. Казанцева¹¹, книги братьев Стругацких¹² и др. Классики описывают будущее для человека как возможность раскрыть свои способности и построить идеальный мир с использованием новых технологий. Особо в жанре научной фантастики выделяются работы в стиле киберпанк (Н. Стивенсон¹³, У. Гибсон¹⁴ и др.). В них противопоставляют достижение науки, техники, общества человеческим ценностям, индивидуализму. Будущее может быть миром жестоким и беспощадным, и, одновременно, это новый мир возможностей: высокие технологии и биоинженерия, глобальные компьютерные сети. Понятие прогресса амбивалентно. Научная фантастика, понимаемая как отражение социальных проблем в контексте, в котором она создается, порождает новые мифологии и пересматривает древние, становясь мощным инструментом и источником вдохновения для понимания современного искусства [16].

Процесс создания научно-фантастических произведений неизменно сопровождался символизацией. В работе Н.А. Лукьяновой «Коммуникативно-семиотические стратегии конструирования социальной реальности»

(2009) [17], подчеркивается, что символы мы понимаем, вслед за С. Лангер, как интеллектуальные инструменты, и они не могут быть сведены только к ощущениям или эмоциям [18]. С. Лангер рассматривает символизм как важнейшую, глубоко органичную властную потребность, которая воплощает потребность и потенциал символизации. «Символическая функция — одна из первичных в человеческой деятельности, подобно питанию, ориентации в пространстве, передвижению. Она является фундаментальным и постоянным процессом человеческого ума» [19]. Мышление — это символический процесс. Посредством символических форм человек может постигать мир и упорядочивать окружающий его хаос, в этом заключается адаптационная роль символизма. Однако процесс символического преобразования нуждается в завершении во внешнем действии. Авторы полагают, что такое завершение базируется на принципе «приостановки неверия»/«удерживания от неверия» (suspension of disbelief) [20]. По словам В. Собчак, это такое состояние сознания зрителя, при котором он частично отказывается от критического мышления, пренебрегает некоторыми знаниями о реальном мире (в космосе нет звука и не видно лазеров) [21], и сосредоточивается на пространстве произведения, забывая о реальном окружении. Важно, как отмечает В. Собчак: «Подвесить нас в состоянии сомнения, недоверия» (suspend our disbelief [20]. И здесь символ становится инструментом адаптации, обладая способностью создавать визуальное напряжение, балансируя на грани области знакомого и известного и области вымышленного, между «уже-не-сейчас» и «еще-не-сейчас». В новом символизме научной фантастики сохраняются знакомые нам элементы. Именно они отвечают за «приостановку нашего неверия» в будущее, его возможные модификации и нейтрализацию всего странного и чуждого. Важно все незнакомое и чуждое отобразить через призму знакомого и привычного. В этом процессе посредством символизации конструируется новая реальность, преодолевается «шок будущего» (Э. Тоффлер). В такой ситуации человек не испытывает волшебный трепет или мистический ужас. В. Собчак называет этот метод «гуманизацией чуждого изображения» (humanization of the alien image) [20]. Простой пример такого метода — антропоморфизация инопланетян и роботов. Создается баланс между знакомым и незнакомым, как машина времени (фильм «Назад в будущее», реж. Роберт Земекис 1985) похожая на обычный автомобиль. В. Собчак

⁹ Гуревич Г. Человек-ракета // Знание-сила, 1946, № 10-11.-С.18-25; № 12.-С.14-22,39.

¹⁰ Мартынов Г. Звездоплыватели. Л.: Лениздат, 1960.

¹¹ Казанцев А. Внуки Марса. М.: ДЕТгиз, 1962.

¹² Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Полдень XXI век. / - Собрание сочинений: В 11 т. Т. 1 — 11. Донецк : Сталкер, 2001.

¹³ Стивенсон Н. Криптомикон. М.: АСТ, 2014.

¹⁴ Гибсон У. Нейромант М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2000.

показывает несколько приемов, с помощью которых непривычное становится привычным, или наоборот, знаковые образы превращаются в нечто фантастическое (допотопная повозка как метафора ядерной катастрофы, фильм «На берегу», 1959) [Цит по 22].

Итак, символизм научной фантастики как «литературы предвидения в сфере прогресса материального» [Цит. по 7, с.15] и есть основа для преодоления шока будущего, именно символ становится не средством для общения или удержания объектов в мышлении, а целью и способом существования. Действительность была бы для нас непознаваемым хаосом без системы действенных и реальных символов. У Андрея Тарковского: «Можно показать прилунение как остановку трамвая и, наоборот, остановку трамвая как прилунение» [Цит по 23], что подтверждает нашу мысль о том, что символ специфически перерабатывает действительность, он является определенным пониманием, или интерпретацией. А символическая функция, в свою очередь, является фундаментальным и постоянным процессом человеческого ума (С. Лангер).

Заключение

Современная цивилизация может быть охарактеризована как техногенная, в которой важнейшей ценностью является прогресс, он задает ориентир на будущее. Так понимание современного этапа развития цивилизации изначально проблематизирует будущее как ключевой вопрос в деятельности человека. Понятие «образ будущего» может рассматриваться как применительно к отдельному субъекту или по отношению к целому обществу [25]. Успешное развитие современного общества зависит от того, каким гибким, мобильным и в то же время устойчивым к кризисам и потрясениям оно может быть. Понимание будущего не только как категории времени, но и как части социокультурной реальности (социокультурных изменений) сегодня не до конца сформировано у большей части молодых людей, в том числе отсутствует рефлексия относительно будущего как части социокультурных изменений в научной среде. Это приводит к проявлению лакуны концепции будущего в научном мировоззрении. В таком понимании научная фантастика на символическом уровне способна стать формой адаптации к миру будущего в силу того, что мир, обретший символический строй прежде всего в языке, сделался более осмысленным, более

важным для всех специфически человеческих видов деятельности, нежели сырой «внешний» мир, безгласно воспринимаемый чувствами [24].

В процессе проведенного исследования было доказано, что в научной фантастике базовым элементом становится процесс символизации продуктов научно-технического творчества, как процесс столкновения двух путей: первый путь ведет в будущее – в «еще-не-сейчас», а другой – в прошлое – в «уже-не-сейчас». Был раскрыт потенциал научной фантастики как пространства открытого будущего, в бесконечности интерпретаций которого мы видим потенциал символизма. В этой интерпретации «цель символического осмысления действительности не власть над миром, а власть над самим собой, освобождение от страха и незнания, иначе говоря, устранение сомнения» [5, с.141].

Установлено, что в основе процессов адаптации к будущему лежат механизмы мифологизации и символизации действительности, поскольку миф всегда был и остается сегодня способом понимания и объяснения мира, а символ представляет собой инструмент для создания новых мифов. В целом, при исследовании такого жанра как научная фантастика мы можем согласиться с тезисом А. Уайтхеда о том, что «человечество ищет символ, чтобы выразить себя» [2]. Сегодня таким символом становится научная фантастика, именно она и определяет триггерные точки «переворота в символизме» и становится условием успешной адаптации старых символов к изменениям социальной структуры в новой технологической реальности. В заключении отметим следующий интересный факт. Сегодня научная фантастика активно используется в образовании. Как отмечают исследователи С. Флинн и М. Хардман научная фантастика активно используется при обучении студентов. Исследователи отмечают положительный эффект в обучении студентов для которых физика не является базовым предметом [26]. Именно современная научная фантастика затрагивает темы стремительного развития новых технологий, погружая читателя в новые потрясающие миры. Разнообразие этих миров превосходит научные ожидания и соперников [27], опережая самых творческих писателей-фантастов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31182

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Тоффлер Э.** Шок будущего, М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 557 с.
2. Уайтхед А.Н. Приключения идей, М.: ИФРАН, 2009. 383 с.
3. **Лукьянова Н.А., Фелл Е.В., Сиберс Й.И.** Динамика конструирования образов будущего: исследование проблемы // Вестник науки Сибири. 2015. № 2 (17). С. 37-46.
4. **Siebers J.** Community and Future in the Thought of Ernst Bloch' in F. Vidal (ed.), Einblicke in Blochsche Philosophie, Mössingen: Talheimer Verlag 2012, pp. 171–185. URL: https://www.academia.edu/10347787/Community_and_Future_in_the_Thought_of_Ernst_Bloch (дата обращения 04.06.2019)
5. **Лукьянова Н.А.** От знака к семиотическим конструктам коммуникативного пространства. Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Нац. исслед. Томский политехнический ун-т». Томск, 2010. 245 с.
6. **Труфанова Е.О.** Реальное или сконструированное? Критический анализ социально-конструкционистского подхода // Социальная онтология в структурах теоретического знания: Материалы VIII научно-практической конференции с международным участием 2016 года. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2016. С. 212–218.
7. **Чернышева Т.А.** Природа фантастики. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. 336 с.
8. **Roduit J., Eichinger T., Glannon W.** Science fiction and human enhancement: radical life-extension in the movie 'In Time' (2011) // Medicine Health Care and Philosophy. 2018. 21(3) .3, pp.287-293. DOI: 10.1007/s11019-018-9831-4
9. **Ницше Ф.** Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. Изд-во: Эксмо. М.: 2011. 416 с.
10. **Дыдров А.А.** Проблема конструирования образа тела сверхчеловека (на основе философских идей Ф. Ницше) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-konstruirovaniya-obrazata-tela-sverhcheloveka-na-osnove-filosofskih-idey-f-nitsshe>. (дата обращения: 03.02.2019).
11. **Goncharenko M.** Aspect of social discourse retrospection // International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences 2014/ Procedia - Social and Behavioral Sciences 166 (2015) 616 – 620. URL: <https://reader.elsevier.com/reader/sd/pii/S1877042814067214?token> (дата обращения: 03.02.2019). DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.12.583
12. **Шацкий Е.** Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. 456 с.
13. Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 536 с.
14. **Ортоли С., Витковски Н.** Ванна Архимеда: Краткая мифология науки. М.: Колибри, 2007.
15. **Комаров В.Н.** Наука и миф. М.: Просвещение, 1988. 191 с.
16. **Garcia M.** New myths and science fiction Approaching technological objects through art // Artnodes, 2018, 21, pp. 73-80. DOI: 10.7238/a.v0i21.3184
17. **Лукьянова Н.А.** Коммуникативно-семиотические стратегии конструирования социальной реальности // Известия Томского политехнического университета. 2009. Т. 315. № 6. С. 138-143.
18. **Ричард Х.И., Лангер С.К.** // Американская философия. Введение. М., 2008. 576 с.
19. **Лангер С.** Философия в новом ключе: исследование символики разума, ритуала и искусства: пер. с англ. М.: Республика, 2000. 287 с. URL: <http://ru.philosophy.kiev.ua/library/langer/> (дата обращения: 25.06.2019).
20. **Sobchack V.** Screening space: the American science fiction film. N.Y.: Ungar, 1988.
21. **Green J.L.** Why scream about sound in space? The functions of audience discourse about unrealistic science in narrative fiction // Public understanding of science, 2019/ 28, 3 pp.: 305-319. DOI: 10.1177/0963662518808729
22. **Хрюкин Д.А.** «Сотворение мира»: Способы образного моделирования в научно-фантастическом кино URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotvorenie-mira-sposoby-obraznogo-modelirovaniya-v-nauchno-fantasticheskom-kino>. (дата обращения: 03.06.2019).
23. **Ханюгин Ю.** Реальность фантастического мира. URL: <http://articult.ruh.ru/articult-13-1-2014/d-a-hryukin-the-creation-the-imaginative-ways-of-modeling-in-science-fiction-cinema.php>. (дата обращения: 11.05.2019).
24. **Мамфорд Л.** Миф машины. Техника и развитие человечества. URL: <http://cogsys.ru/sites/default/files/library/Mumford.pdf> (дата обращения: 09.06.2019).
25. **Желтикова И.В.** Образ будущего – варианты возможного. URL: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/398781> (дата обращения: 11.05.2019).
26. **Flynn S, Hardman M.** The Use of Interactive Fiction to Promote Conceptual Change in Science: A Forceful Adventure. Science & Education, 2019, 28, 1-2, pp. 127-152. DOI: 10.1007/s11191-019-00032-6

27. **Wolf-Chase G.A.** New Worlds, New Civilizations? From Science Fiction to Science Fact // *Theology and Science*, 2018, 16, 4, pp. 415-426. DOI: 10.1080/14746700.2018.1525221

Статья поступила в редакцию 9.07.2019

REFERENCES

- [1] **E. Toffler**, *Shok budushchego*, M.: ООО «Izdatelstvo AST», 2003.
- [2] **A.N. Uaytkhed**, *Prikluyeniya idey*, M.: IFRAN, 2009.
- [3] **N.A. Lukyanova, Ye.V. Fell, Y.I. Sibers**, *Dinamika konstruirovaniya obrazov budushchego: issledovaniye problem [The dynamics of constructing images of the future: a study of the problem]*, *Vestnik nauki Sibiri [Bulletin of Siberian Science]*. 2 (17) (2015) 37-46.
- [4] **J. Siebers**, *Community and Future in the Thought of Ernst Bloch* in F. Vidal (ed.), *Einblicke in Blochsche Philosophie*, Mössingen: Talheimer Verlag 2012, pp. 171–185. Available at: https://www.academia.edu/10347787/Community_and_Future_in_the_Thought_of_Ernst_Bloch (accessed: 04.06.2019).
- [5] **N.A. Lukyanova**, *Ot znaka k semioticheskim konstruktam kommunikativnogo prostranstva monografiya [From the sign to the semiotic constructs of the communicative space monograph]*, *Federalnoye agentstvo po obrazovaniyu, Gos. obrazovatelnoye uchrezhdeniye vyssh. prof. obrazovaniya «Nats. issled. Tomskiy politekhnicheskii un-t» [Federal Agency for Education, State. educational institution of higher. prof. Education "Nat. researches Tomsk Polytechnic University]*. Tomsk, 2010.
- [6] **E.O. Trufanova**, *Real or constructed? A critical analysis of the social construction approach, Sotsialnaya ontologiya v strukturakh teoreticheskogo znaniya, Materials of the VIII scientific-practical conference with international participation in 2016*. Izhevsk: Udmurt University Publishing House, 2016. pp. 212–218.
- [7] **T.A. Chernysheva**, *Priroda fantastiki [Nature fiction]*. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta [Irkutsk: Irkut Publishing House. Univ.], 1984.
- [8] **J. Roduit, T. Eichinger, W. Glannon**, *Science fiction and human enhancement: radical life-extension in the movie "In Time" (2011)*, *Medicine Health Care and Philosophy*. 21 (3) (2018) 287-293. DOI: 10.1007/s11019-018-9831-4
- [9] **F. Nitsshe**, *Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vseh i ni dlya kogo [So said Zarathustra. The book is for everyone and not for anyone]*. Izdatelstvo: Eksmo. M.: 2011.
- [10] **A.A. Dydrov**, *Problema konstruirovaniya obraza tela sverkhcheloveka (na osnove filosofskikh idey F. Nitsshe) [The problem of constructing the image of the body of a superman (based on the philosophical ideas of F. Nietzsche)]*: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-konstruirovaniya-obraza-tela-sverhcheloveka-na-osnove-filosofskikh-idey-f-nitsshe>. (accessed: 03.02.2019).
- [11] **M. Goncharenko**, *Aspect of social discourse retrospection, International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences 2014/ Procedia - Social and Behavioral Sciences 166 (2015) 616-620*. Available at: <https://reader.elsevier.com/reader/sd/pii/S1877042814067214?token> (accessed: 03.02.2019). DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.12.583
- [12] **E. Shatskiy**, *Utopiya i traditsiya [Utopia and Tradition]*. M: Progress, 1990.
- [13] *Sinergeticheskaya paradigma. Mnogoobraziye poiskov i podkhodov [Synergetic paradigm. The variety of searches and approaches]*. M.: Progress-Traditsiya, 2000.
- [14] **S. Ortoli, N. Vitkovski**, *Vanna Arkhameda: Kratkaya mifologiya nauki [Archimedes Bath: A Brief Mythology of Science]*. M.: Kolibri, 2007.
- [15] **V.N. Komarov**, *Nauka i mif [Science and Myth]*. M.: Prosveshcheniye, 1988.
- [16] **M. Garcia**, *New myths and science fiction Approaching technological objects through art, Artnodes*, 21 (2018) 73-80. DOI: 10.7238/a.v0i21.3184
- [17] **N.A. Lukyanova**, *Kommunikativno-semioticheskiye strategii konstruirovaniya sotsialnoy realnosti [Communicative-semiotic strategies for constructing social reality]*, *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta [News of Tomsk Polytechnic University]*. 315 (6) (2009) 138-143.
- [18] **Kh.I. Richard, S.K. Langer**, *Amerikanskaya filosofiya. Vvedeniye. M., 2008*.
- [19] **S. Langer**, *Filosofiya v novom klyuche issledovaniye simboliki razuma, rituala i iskusstva [Philosophy in a new way: the study of the symbolism of reason, ritual and art]*. M.: Respublika, 2000. Available at: <http://ru.philosophy.kiev.ua/library/langer/> (accessed: 25.06.2019).
- [20] **V. Sobchack**, *Screening space: the American science fiction film*. N.Y.: Ungar, 1988.
- [21] **J.L. Green**, *Why scream about sound in space? The functions of audience discourse about unrealistic science in narrative fiction, Public understanding of science*, 28(3) 2019 305-319. DOI: 10.1177/0963662518808729
- [22] **D.A. Khryukin**, *«Sotvoreniye mira»:*

Sposoby obraznogo modelirovaniya v nauchno-fantasticheskom kino [“Creation of the World”: Ways of figurative modeling in sci-fi movie] Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotvorenie-mira-sposoby-obraznogo-modelirovaniya-v-nauchno-fantasticheskom-kino>. (accessed: 03.06.2019).

[23] **Yu. Khanyutin**, Realnost fantasticheskogo mira. Available at: <http://articul.rsuh.ru/articult-13-1-2014/d-a-hryukin-the-creation-the-imaginative-ways-of-modeling-in-science-fiction-cinema.php>. (accessed: 11.05.2019).

[24] **L. Mamford**, Mif mashiny. Tekhnika i razvitiye chelovechestva [The myth of the car. Technology and human development]. Available at: <http://cogsys.ru/sites/default/files/library/Mumford.pdf> (accessed:

09.06.2019).

[25] **I.V. Zheltikova**, Obraz budushchego – varianty vozmozhnogo [The image of the future - options for the possible]. Available at: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/398781> (accessed: 11.05.2019).

[26] **S. Flynn, M. Hardman**, The Use of Interactive Fiction to Promote Conceptual Change in Science: A Forceful Adventure. *Science & Education*, 28 (1-2) (2019) 127-152. DOI: 10.1007/s11191-019-00032-6

[27] **G.A. Wolf-Chase**, New Worlds, New Civilizations? From Science Fiction to Science Fact, *Theology and Science*, 16 (4) 2018 415-426. DOI: 10.1080/14746700.2018.1525221

Received 9.07.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Лукьянова Наталия Александровна

Lukianova Natalia A.

E-mail: kir712@yandex.ru

Гончаренко Марк Васильевич

Goncharenko Mark V.

E-mail: markgon73@gmail.com

Зинченко Никита Сергеевич

Zinchenko Nikita S.

E-mail: zinchenkonikitazns@gmail.com